

О встречах с Маяковским и «Окнах РОСТА»

<http://oralhistory.ru/talks/orh-499>

🎙 31 августа 1975

Собеседник

Виноградов Николай Дмитриевич

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 31 августа 1975 и опубликована 20 октября 2017.

Введение

Архитектор-реставратор Николай Виноградов с детства дружил с Михаилом Черемных, известным художником-карикуристом. Именно Черемных придумал использовать пустующие витрины магазинов для выставки агитационных плакатов, известных под названием «Окна сатиры РОСТА». В сентябре 1920 года Черемных пригласил Виноградова работать в Российское телеграфное агентство (РОСТА) трафаретчиком. Виноградов не только тиражировал плакаты и сохранял у себя копии, но и спас «Окна сатиры», когда РОСТА было закрыто. Вот как об этом пишет Черемных в своих воспоминаниях: «Поражаюсь, как сохранились «Окна». Все могло погибнуть. В РОСТА оставался всегда один экземпляр плаката — для отчетности, для справок. Хранились они в шкафах в специальной комнате. Так как разобраться в них и отыскать нужное было довольно трудно, то мы стали фотографировать «Окна». Фотографии вклеивались в альбом одна за другой, по мере выхода «Окон». Когда РОСТА закрыли, в наше помещение въехал Главполитпросвет, а архив наш так там и остался. Новые «жильцы», получая пайки, заворачивали в «Окна» селедки и пшено. Я предложил Виноградову спасти остатки архива. Мы наняли подводу, сами перетаскали охапками «Окна», и никто даже не спросил нас, кто мы такие и почему увозим их. «Окна» перевезли на квартиру Виноградова. Я унес к себе два альбома с фотографиями. «Окна» Виноградов передал впоследствии в Литературный музей, а альбомы у меня взял Маяковский за несколько месяцев до смерти. Он говорил, что ему нужны фотографии плакатов, которые он делал».

С хранившихся у Виноградова «Окон РОСТА» в начале 1930-х годов началось его знакомство с Дувакиным, который на тот момент был сотрудником Литературного музея. Виноградов интересовал Дувакина как человек, близко знавший Маяковского по учебе в Училище живописи, ваяния и зодчества и по работе в РОСТА. Именно этому посвящена их четвертая беседа.

Благодарим Елену Борисовну Овсянникову за помощь в подготовке комментариев к тексту и за любезно предоставленные материалы из архива Н.Д. Виноградова.

Встречи с Владимиром Маяковским

Виктор Дмитриевич Дувакин: Николай Дмитриевич, уже сорок лет (*усмехается*) мы с вами возвращаемся к этому вопросу. С вами я начал свою работу, свою эпопею, которая прошла у меня через всю жизнь, — вот публикация «Окон РОСТА». То, что я от вас по клочкам получал, — все по кусочкам рассказы, потому что мы много раз возвращались. Расскажите мне, пожалуйста, связно, как можете, все, что вы помните о знакомстве с Маяковским в Училище живописи, ваяния и зодчества и об «Окнах РОСТА». Пожалуйста.

Николай Дмитриевич Виноградов: С Маяковским я познакомился в училище, когда он с группой других товарищей перешел из Строгановского училища в Училище живописи, ваяния и зодчества. Вот годы я не помню.

В.Д.: Ну, это известно.

Н.В.: В училище я состоял на общественной работе — так называемый староста Художественного театра. Художественный театр свои билеты распределял по высшим учебным заведениям: университет, институты, и в том числе наше училище. Нашему училищу отпускали по десять билетов на каждый спектакль. Эти билеты нужно было распределить. Для этой цели общим собранием учащихся выбиралось лицо, обличенное этой обязанностью. На эту роль училище меня выбирало четырнадцать лет, так как я четырнадцать лет пробыл в училище по обстоятельствам, от меня не зависящим. Я поступил в училище в 900-м году, а кончил его в 915-м году. За это время я три с половиной года просидел в московских тюрьмах за политическую работу.

В.Д.: Это уже записано.

Н.В.: Так вот, в числе моих клиентов, записывающихся на спектакли Художественного театра, был и Маяковский. У меня даже сохранились записи, когда и на каких спектаклях он был. Я обещал вам даже, кажется, передать эту запись.

В.Д.: Да.

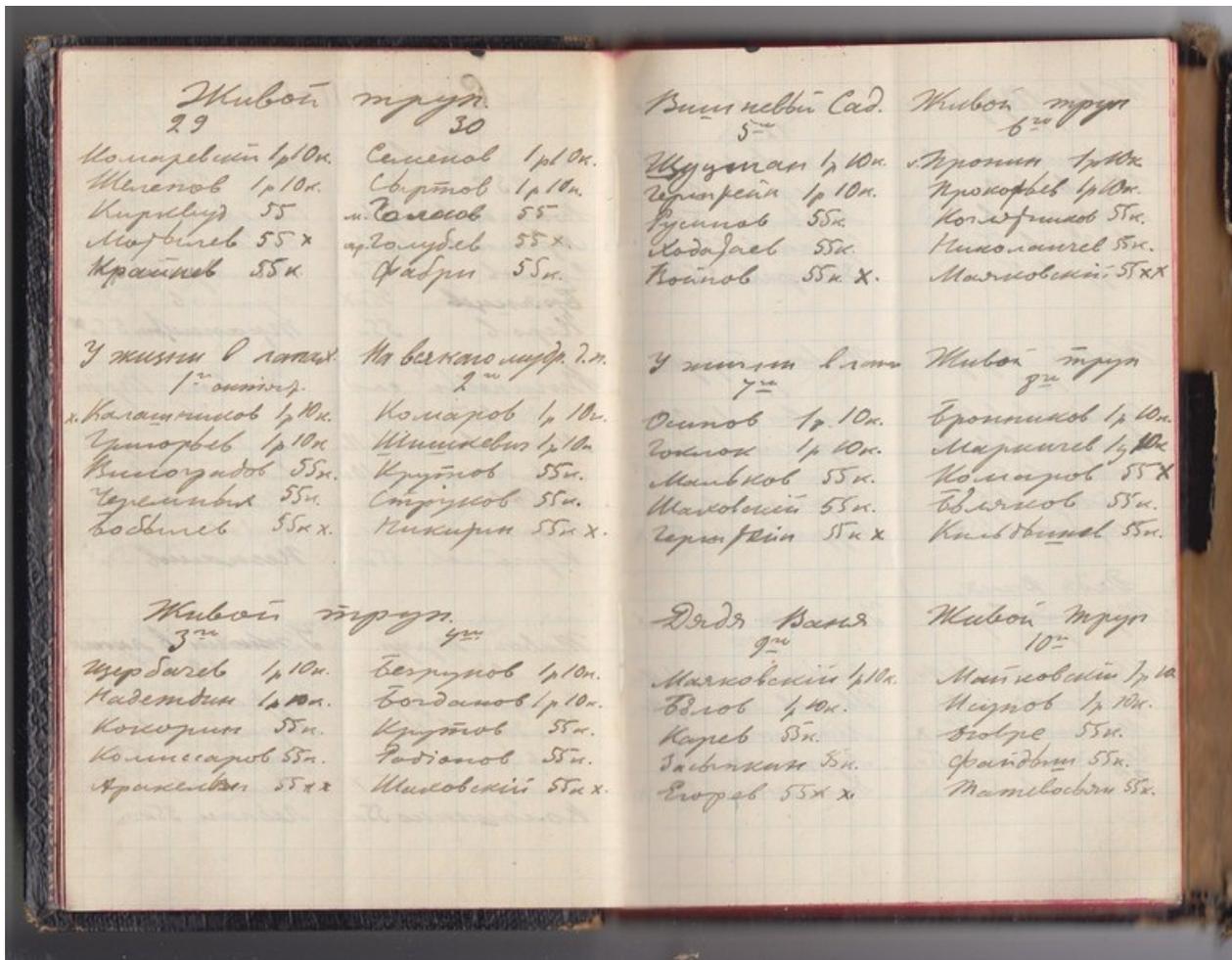
Н.В.: И это обещание не выполнил. Сейчас я даже не знаю, цела ли эта запись или нет, потому что все мои манатки перевернуты вверх ногами.

В.Д.: То есть у вас записи здесь нет?

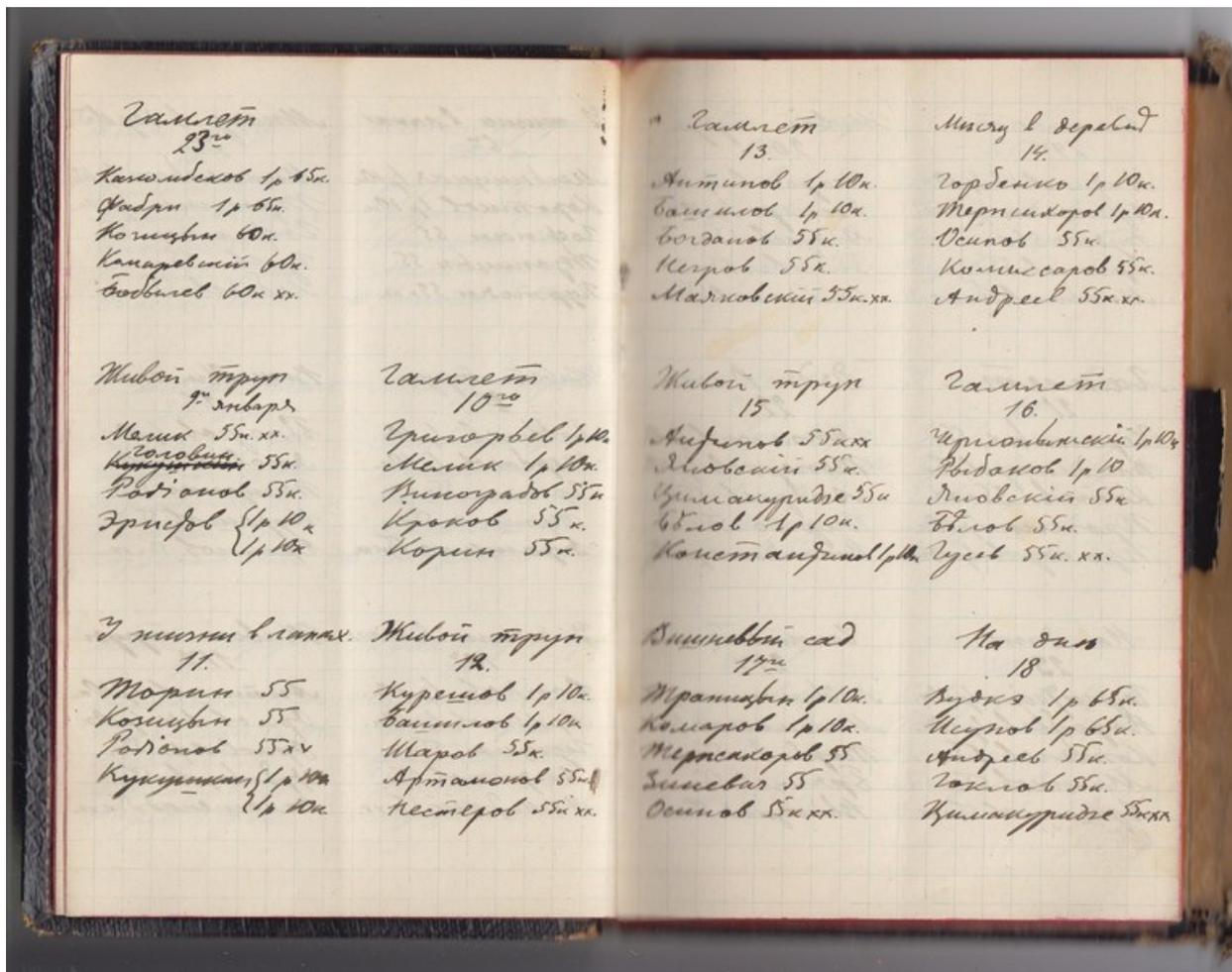
Н.В.: Нет.

В.Д.: В какой-нибудь старой записной книжке?

Н.В.: Нет. Это была специальная такая тетрабочка маленькая, карманная. Там у меня записано было изо дня в день за целый год. И вот как раз в этой тетрабочке упоминалась фамилия Маяковского.

Страница из записной книжки Н.Д. Виноградова. 1911. Архив Виноградова, частное собрание. Фото предоставлено Е.Б. Овсянниковой. Публикуется впервые

Страница из записной книжки Н.Д. Виноградова. 1912. Архив Виноградова, частное собрание. Фото предоставлено Е.Б. Овсянниковой. Публикуется впервые

В.Д.: А вы потом возвращались, смотрели, в связи со мной или в связи с...

Н.В.: С Макаровым.

В.Д.: Да, с Макаровым.

Н.В.: За ней Макаров тоже охотился.

В.Д.: Но не нашли?

Н.В.: Но не нашли, да-да.

В.Д.: Жалко. Лишь бы куда-то попала, чтобы не выбросили...

Н.В.: Тетрадошка записная, там изо дня в день записаны. А затем был отчет сделан за целый год, где перечислены были все лица, кто пользовались билетами и на каком спектакле. Но это на одном листе, в виде такой таблицы. Там тоже Маяковский упоминался.

В.Д.: Но не выброшена, нет?

Н.В.: Да нет, не знаю. Я все собираюсь попросить глазастых моих приятелей помочь мне разобраться с теми бумагами, которые у меня сохранились. Думаю, что там, может быть, это и существует.

В.Д.: Вот у меня теперь помощница есть, только она как раз только что уехала в отпуск, но через месяц с небольшим...

Н.В. (что-то передает Дувакину): Вот вы в прошлый раз...

В.Д.: Да-да, что-то оставил тут... Она очень аккуратная и очень хорошая девушка, то есть женщина, ей тридцать четыре года. Когда мы вернемся оба из отпуска, если живы будем, то, может быть, она зайдет к вам.

Н.В.: Если к тому времени не будут разобраны мои манатки...

В.Д.: Нет. Так она поможет вам разобраться. Но если вы сможете разобраться раньше, тем лучше. Как вы знаете, я к Макарову отношусь резко отрицательно, считаю его просто подонком, но я совершенно не одержим коллекционерской манией и завистью. Если он возьмет, то пусть, в конце концов, лишь бы это было цело, лишь бы не попало на помойку. Это основной пафос моей работы. А то может попасть в печку.

Н.В.: Да.

В.Д.: Продолжайте, пожалуйста. Не помните, на каких спектаклях он был?

Н.В.: Вот врезалось мне «Три сестры» в память*.

* В записной книжке Виноградова Маяковский упоминается в числе студентов, покупавших билеты на спектакли «Дядя Ваня», «Живой труп» и «Гамлет».

В.Д.: «Три сестры». У него на тему «Три сестры» есть отдельное стихотворение, уже позднее.

Н.В.: Есть?

В.Д.: Есть. «Три тысячи три,

до боли скул,

скулили сестры,

впадая в тоску.

В Москву!

В Москву!!

В Москву!!!

В Москву!!!!»

Н.В.: Вот это встречи мои с ним в училище. Сейчас я вспомнил, сначала я было забыл. Мы жили в Козихинском переулке. В этом самом Козихинском переулке домовладелец приспособил чердак под квартиру, сделал из чердака большую такую комнату, провел туда свет и отопление, таким образом, и мы вот на этом чердаке жили. Правда, закончилось печально: нас обокрали, сперли чужие вещи, которые у нас были там.

В.Д.: Ну, ладно.

Н.В.: Вот таким образом. Во всяком случае, этот чердак мы заняли, когда я вернулся из Манчжурии. Из Манчжурии я вывез большую партию китайских лубочных картинок. Эти картинки я развесил по голым стенам чердака этого, где мы жили. И перед этим я устраивал выставку этих самых китайских картин, и Маяковский спрашивал: «Что, это всё?» Я говорю: «У меня еще на стене развешено». И он ко мне заходил посмотреть эти мои...

В.Д.: Ой, как интересно! Лубки китайские?

Н.В.: Китайские, да.

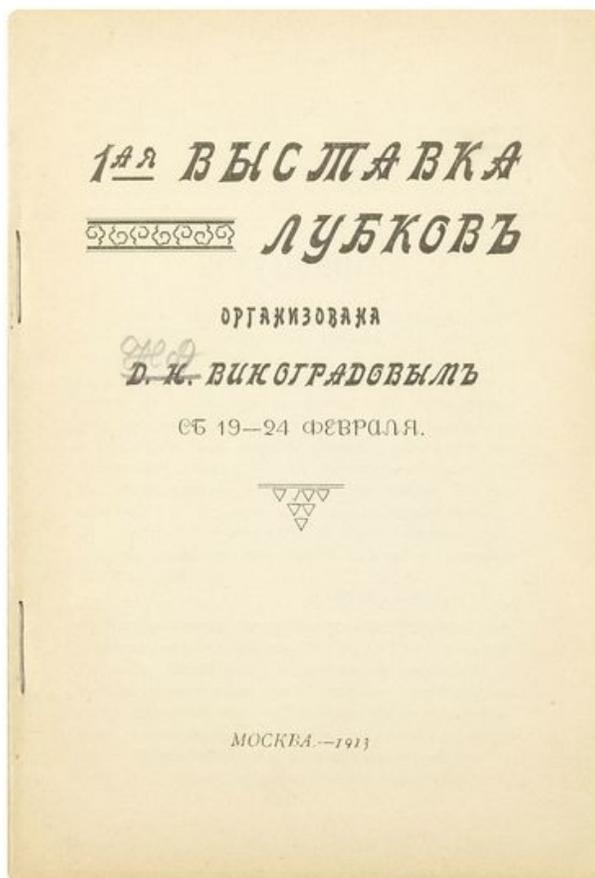
В.Д.: А что вы знаете о его интересе к русскому лубку? Вы встречались с этим или нет?

Н.В.: С его интересом?

В.Д.: К русскому лубку, в связи... Вы находите, что между лубком и «Окнами РОСТА» есть какая-то художественная связь?

Н.В. (задумывается): Есть что-то, да, в особенности манера Маяковского рисовать, она близка по стилю к китайским мастерам.

В.Д.: Угу.

Обложка каталога 1-й выставки лубков, организованной Н.Д. Виноградовым 19 – 24 февраля 1913 года. Источник фото: www.auction-imperia.ru

Передача картин Михаила Ларионова и Натальи Гончаровой в Париж

Н.В.: Маяковский вошел в группу учащихся, которые у нас фигурировали под названием «левых», с левым уклоном. Это были импрессионисты. Этой группой руководил художник Ларионов вместе со своей женой Гончаровой Натальей Сергеевной, куда входил...

В.Д.: Чекрыгин.

Н.В.: Чекрыгин был, да. Там много было.

В.Д.: Бурлюк, конечно.

Н.В.: Бурлюки. Подождите...

В.Д.: Брат Веры Шехтель.

Н.В.: Вот этого не помню.

В.Д.: Шехтель, Жегин потом.

Н.В.: Жегин, да.

В.Д.: Тот же самый человек.

Н.В.: Да (*усмехается*). Курьезно было. У меня на чердаке вот этой квартиры, когда она была одноэтажной конюшней, тут был чердак большой...

В.Д.: Знаю-знаю. Помню.

Н.В.: Так на этом чердаке хранились как раз работы Ларионова и Гончаровой.

В.Д.: И вы писали на обороте.

Н.В.: Нет, нет.

В.Д.: Оттиски были.

Н.В.: Нет, оригиналы были.

В.Д.: Ах, оригиналы были? Где же?

Н.В.: Они лежали у меня на чердаке. Их было не более не менее как три тысячи полотен. На полотне написанные масляной краской. Дело в том, что когда Луначарский был назначен послом в Испанию, он по пути застрял немножко в Париже. В Париже его поймал Ларионов и получил от него официальное разрешение переправить эти работы, которые находились у меня, ему в Париж. Эту операцию Ларионов поручил...

В.Д.: Жегину, да?

Н.В.: Жегину, да, которого я знал как Шехтеля, сына знаменитого московского архитектора Шехтеля. И вот когда мы составляли акт на передачу ему этих полотен, он подписался «Жегин». Я говорю: «Позвольте, а почему вы чужой фамилией подписываетесь?» — «Это моя фамилия. Когда я женился, то я принял фамилию своей жены Жегинной». Это дочка директора музея Чайковского в Клину.

В.Д.: Ну и как же, акт-то был действителен?

Н.В.: Акт-то был, конечно, действителен, потому что никто же не знает, кто такой Жегин. И даже если бы он подписал «Шехтель». При сем интересно было так.

” Мы хорошо с ним знали, что эти полотна для Руси погубятся: они не вернуться и, так сказать, их свет не увидит. Мы с ним договорились пропустить их через Третьяковку. Пусть Третьяковка просмотрит и, может быть, что-нибудь себе отберет. И мы эту операцию провели.

В.Д.: Молодцы!

Н.В.: Третьяковка из трех тысяч полотен отобрала шестнадцать полотен и выслала Ларионову деньги в Париж.

В.Д.: Вы мне это не рассказывали никогда*. Это страшно интересно и важно. Значит, эти полотна поступили в Париж все-таки?

* Виноградов рассказывал об этом во время третьей встречи с Дувакиным 14 ноября 1974 года.

Н.В.: Да, они уехали в Париж.

В.Д.: Уехали в Париж.

Н.В.: Шестнадцать остались в Третьяковке, а остальные уехали в Париж.

В.Д.: Очень хорошо.

Н.В.: Сейчас Ларионов и Гончарова умерли. Так сказать, куда девались, как были использованы эти полотна, никому не известно*.

В.Д.: Но у вас уже больше ничего не осталось? Вы в Музей Маяковского ничего из Ларионова и Гончаровой не давали?

Н.В.: Ничего.

В.Д.: Тоже ввали.

Н.В.: То есть там были оттиски. Потом небольшой альбомчик с надписью «Война»** Гончаровой в желтом таком пакете, так это у него...

В.Д.: Значит, это попало в Музей Маяковского?

Н.В.: Да, попало в Музей Маяковского.

* О пересылке картин Ларионова и Гончаровой опубликованы записи из дневника Виноградова. См.: Овсянникова Е.Б. Ларионов и Гончарова. Материалы из архива Н.Д. Виноградова // Н. Гончарова, М., Ларионов. Исследования и публикации: Комиссия по изучению искусства авангарда Госуд. ин-та искусствознания РАН / под ред. Г.Ф. Коваленко, М., 2001, с. 55 – 87; Овсянникова Е.Б. Ранние работы Н.С. Гончаровой в архиве Н.Д. Виноградова // Амазонки авангарда: Сб. статей / Комиссия по изучению искусства авангарда Госуд. ин-та искусствознания РАН / под ред. Г.Ф. Коваленко, М., 2001, с. 55–174; Овсянникова Е.Б. Из архива Н.Д. Виноградова // Русский музей представляет. Наталия Гончарова. Годы в России / Альманах. Вып. 20. СПб., 2002, с. 311–321.

** Виноградов говорит про литографическую серию Гончаровой «Мистические образы войны».

Гончарова Н. Мистические образы войны. М., издание В.Н. Кашина, 1914

Маяковский в Училище живописи, ваяния и зодчества

В.Д.: Хорошо. Вы его встречали часто в училище, или вы сами бывали редко?

Н.В.: Нет, зачем же. Я в то время еще был учеником.

В.Д.: Вы регулярно ходили? Ну, раз вы так долго учились, после пропуска, может пропускали там...

Н.В.: Вот как сейчас помню, однажды Луначарский входит в курилку, у нас там была такая...

В.Д.: Луначарский? Маяковский!

Н.В.: Маяковский, да-да-да.

В.Д.: Вот-вот-вот.

Н.В.: Входит в эту курилку и заявляет: «Чаю чай!»

В.Д.: Хорошо!

Н.В.: Да, так говорит по-славянски.

У нас в курилке был буфетик небольшой с самоваром, вот он как раз, входя в эту курилку, объявил громогласно, что он чаю чает. Вот как сейчас помню эту картину.

Конечно, главным образом я с ним встречался в РОСТе.

В.Д.: Простите, сейчас кончим с этим со всем. Разговаривать вам с ним не пришлось? Не было каких-нибудь деловых хотя бы контактов у вас лично? Вот «чаю чай» — это вы хорошо вспомнили. Это один вопрос. А второй вопрос: слышали ли вы тогда его выступления? То есть не когда в училище был, а когда был футуристом?

Н.В.: Вне училища?

В.Д.: Вне училища.

Н.В.: Вне училища — нет.

В.Д.: А в училище выступления?

Н.В.: Были.

В.Д.: Такие, деловые?

Н.В.: Да. У нас по субботам устраивались вечера — субботники: в субботу вечером собирались в училище. Кто рисовал, кто декламировал стихи, кто играл на скрипке, одним словом, проводили вечер в такой своей среде. Вот Маяковский выступал на этих вечеринках.

В.Д.: Выступал? Стихов еще не было? Или говорил? Что же он выступал, в качестве кого?

Н.В.: В качестве поэта.

В.Д.: Уже поэта, да?

Н.В.: Поэта, да.

В.Д.: И он что-то читал?

Н.В.: Да. Произносил.

В.Д.: Что именно, вы не помните?

Н.В.: Да. Небольшие были его выступления, краткие такие.

В.Д.: Читал одно-два стихотворения?

Н.В.: Да.

В.Д.: Или о чем-то говорил?

Н.В.: Нет, надо понять как стихотворение.

В.Д.: Ну, они все короткие у него тогда были. У него все стихотворения тогда в восемь строчек были.

Н.В.: На этих вечерах выпускали нечто вроде журнальчика такого, иллюстративного, отпечатанного на гектографе. У меня сохранилась пара номеров этого журнальчика.

В.Д.: Да что вы! И с его участием или нет?

Н.В.: Вот не помню. Сохранился этот журнальчик или нет?

В.Д.: А у вас есть этот журналчик?

Н.В.: Было два номера.

В.Д.: И вы так их никуда и не передали? Что-нибудь еще по этой части помните?

Н.В.: Вы знаете, ломаю голову, не вспоминается что-то.

Работа Черемныха и Маяковского над «Окнами РОСТА»

В.Д.: Ну, тогда об Училище живописи, ваяния и зодчества мы кончили. Вы и то сказали что-то новое. Теперь перейдем к вашим дальнейшим встречам: как вы работали с ним в РОСТА, как в РОСТА была организована работа в целом и, кроме того, слышали ли вы его выступления в Политехническом или где-нибудь еще.

Н.В.: Ведущими мастерами РОСТА, которые давали оригиналы плакатов, были Черемных, Маяковский и Малютин. Иван Малютин — тоже из Строгановского училища.

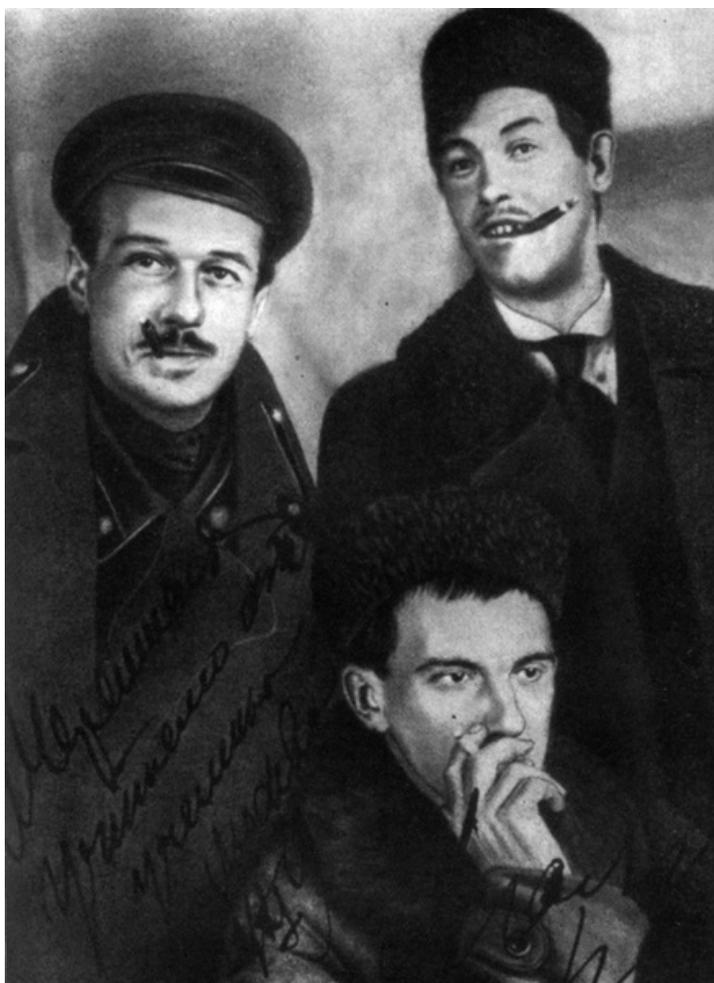
В.Д.: Какое место занимала эта мастерская в системе РОСТА вначале, не в Главполитпросвете, а вот когда это было еще РОСТОй?

Н.В.: Это уже общеизвестный факт, как она образовалась.

В.Д.: То, что вы лично помните.

Н.В.: Вот то, что было напечатано Черемныхом*. Это уже было использовано.

* М.М. Черемных. Маяковский в РОСТА // В. Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963

М.М. Черемных, В.В. Маяковский и И.А. Малютин в РОСТА. Москва, 1919. Источник фото: www.v-v-mayakovsky.ru

В.Д.: Да. Ну, это уже неважно, что там дальше. Вы вот, со слов Черемных, как знаете?

Н.В.: Тогда было таким образом... Проходя по пустынным улицам Москвы, Черемных наблюдал, что магазины пустовали, и громадные витрины окон были пусты, в них ничего не демонстрировалось. И у него явилась как раз идея использовать эти громадные витрины путем вывешивания в них этих самых...

В.Д.: Плакатов.

Н.В.: ...плакатов, да. А до этого оригиналы развешивались по вокзалам.

В.Д.: До этого?

Н.В.: Да. Это до образования РОСТы.

В.Д.: До образования художественного отдела?

Н.В.: Да-да-да.

В.Д.: А оригиналы — это чего же? Где эти оригиналы делались?

Н.В.: На квартирах художников.

В.Д.: И продавались кому-нибудь?

Н.В.: Нет, просто вывешивались в залах ожидания прямо на стене.

В.Д.: Николай Дмитриевич, как же это могло быть до образования РОСТА? Ведь они делали, наверное, для кого-то, для какой-то организации. Не могли они от себя просто писать. Они бы и не стали, было голодно, и без всякой компенсации это трудно было делать.

Н.В. (вздыхает): Уф-уф-уф. Все концы ушли, как говориться, в землю...

В.Д.: Ну, какие ушли, так оставим их. Вы мне расскажите про организацию дела и место РОСТы в этом. Я тут сам сопоставлял, и ваша есть запись стенографическая, но она очень тоже плохая, еще до войны.

Н.В.: Да.

В.Д.: Вот мне хочется как-то это проконтролировать. Может быть, я что-нибудь и вру тут?

Н.В.: Как известно, Черемных был сотрудником газеты «Вечернее время»*.

* В других местах упоминается газета «Вечерние известия».

Черемных у своих плакатов РОСТА. Москва, 1920-е гг.

В.Д.: До революции.

Н.В.: До революции он был, да. Это продолжалось, пока не были закрыты газеты. И вот при какой-то организации художники, работавшие по карикатурам, объединялись... *(с трудом вспоминает)* Союз художников...

В.Д.: Но это до 17-го года всё?

Н.В.: Да.

В.Д.: Ну, а после 17-го года? Выпускали плакаты до них и Реввоенсовет, и другие организации. А после возникновения РОСТы, как они прилепились к этому делу? Почему Черемных сюда попал? Как попал туда Маяковский, это он сам написал: «увидел плакат Черемныха». А как туда попал Черемных, из «Вечернего времени» в РОСТу?

Н.В.: Вот я не помню. Было какое-то лицо, заведовавшее вот этим литературным.

Первое созданное Маяковским «Окно сатиры РОСТА». 1919. Источник фото: www.v-mayakovsky.ru

В.Д.: В «Вечернем времени»?

Н.В.: Да.

В.Д.: Это мог быть Иванов-Грамен?

Н.В.: Нет. Нет, русская фамилия.

В.Д.: Ну, Иванов — куда уж проще (*усмехается*). Иванов-Грамен.

Н.В.: А уж Грамен — это что?

В.Д.: Не знаю, что это, но он подписывался «Грамен», а был Иванов. Ну, фамилия через дефис.

Н.В.: Понятно. Это была русская фамилия. Она в воспоминаниях Черемныха фигурирует.

В.Д.: Если фигурирует, то это не так важно. Русская фамилия? Нет, у него, по-моему, там есть только...

Н.В.: Где Черемных пишет, как они решали, как назвать журнал «Крокодил».

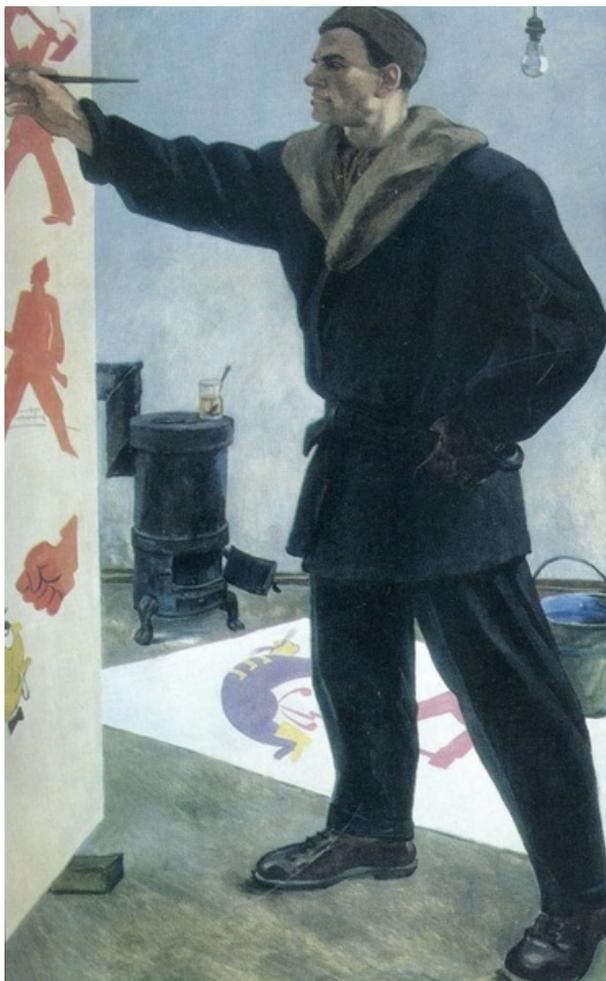
В.Д.: Ну, это уже 22-й год, это уже позже. Ах, в этих воспоминаниях?

Н.В.: Да.

В.Д.: Ну, этого я не помню.

Н.В.: Вот они как раз решали с этим субъектом, которого фамилию я...

В.Д.: Ну, хорошо, фамилию не вспоминайте, не мучьте себя. Понятно. Значит, с тем самым человеком, который упоминался в воспоминаниях Черемных о том, как они называли журнал «Крокодил», первоначально «Рабочий журнал». Хорошо. Давайте к другому перейдем.

Дейнека А.А. «Владимир Маяковский в мастерской РОСТА». 1941

(Пауза. Фраза начинается с полуслова)

Н.В.: ...Маяковского, рисующего плакаты, стоя. Висит это самое...

В.Д.: Дейнеки картина, да?

Н.В.: Да, но дело в том, что вертикально натянутая бумага. Маяковский никогда не рисовал так.

Он рисовал на столе или на полу.

В.Д.: Это даже у Маяковского написано, что совершенно неверно его написал.

Н.В.: Маяковский вспоминает, как моя сестра, жена Черемныха, однажды, готовя пельмени, раскатывала тесто. Тут этот самый Маяковский ей мешал, она его ударила.

В.Д.: Скалкой?

Н.В.: Тестом. Тесто раскатано было в такую длинную штуку, и она его...

В.Д.: Хлопнула.

Н.В.: Да-да. И он вспоминает, что «били меня палками, но вот тестом...» *(усмехается)*.

В.Д.: Никогда, да?

Н.В.: Да.

В.Д.: Про это вы опять-таки мне не рассказывали. Это хорошо, что вы вспоминаете сверх общеизвестного. Это уже было в последние месяцы, наверное, да? В 21-м, а то и в 22-м даже году.

Н.В.: Когда РОСТА помещалось на Малой Лубянке, в Сретенском переулке, угол Сретенского переуллка и Малой Лубянки.

В.Д.: Это тот же самый дом, который выходит на бульвары.

Н.В.: Нет-нет-нет.

В.Д.: Это Наркомпрос...

Н.В.: На бульвары — это уже к концу дело было. Это в домах так называемых «Россия»...

В.Д.: Да. Потом это Наркомпрос был.

Н.В.: Куда потом Наркомпрос переселился, откуда я вывез эти плакаты.

В.Д.: Оттуда?

Н.В.: Оттуда.

В.Д.: Из «России»?

Н.В.: Из Наркомпроса.

В.Д.: Из Наркомпроса.

Н.В.: Они были увязаны в пачки и заготовлены для отправки на бумажную фабрику. Черемных в это время мне как раз сказал: «Ты вот интересовался, собирал плакаты РОСТА. Можешь забрать и остальные». Вот в этом доме наверху. Я пошел посмотрел — целая гора навязанных тюков этих самых плакатов. Я к этому делу привлек сестру, жену Черемныха, нанял ломового извозчика, и мы эти плакаты оттуда вывезли. Плакаты эти лежали на самом верхнем этаже. Там эти дома четырех- или пятиэтажные...

В.Д.: Пятиэтажные, кажется.

Н.В.: И вот на самом верхнем этаже, оттуда мы спускали эти тюки, вниз таскали, нагрузили этот самый полук* и отвезли ко мне на квартиру. Я жил в это время на теперешней улице Чехова**, дом 18. Там при квартире был такой сарайчик для дров, он пустовал. Я туда их все сложил. И первую группу плакатов я передал в Музей революции***. Я достраивал эту квартиру, где мы с вами сидим, и мне не хватало трехсот рублей, чтобы расплатиться с мастерами. А я был связан с Музеем революции, в частности, с директором. Это Сергей Иванович...

** Улица Малая Дмитровка

*** Кроме вывезенных Виноградовым плакатов РОСТА, сохранились два альбома фотографий «Окон РОСТА». Эти альбомы целы и находятся в Государственном литературном музее.

В.Д.: Мицкевич.

Н.В.: Сергей Иванович Мицкевич, да. Я ему предложил взять у меня эти плакаты, купить на триста рублей. Он у меня взял по пятьдесят копеек за плакат.

В.Д.: О-о-о! Как интересно! Да. Всего их там было более семисот, около восьмисот сейчас. Я уж все это вывозил из Музея революции потом. Так это как раз были те, которые вы вывезли из РОСТы. А то, что вы мне отдавали (эти аккуратнее), раньше продавали, до этого, по кусочку, очевидно, были вами отложены... Вы ведь откладывали в то время, когда работали в РОСТе?

Н.В.: Нет. То есть у себя, для себя...

В.Д.: Да-да-да.

Н.В.: Откладывал.

В.Д.: Экземплярчики.

Н.В.: Да.

В.Д.: Вот эти экземплярчики вы в 32-м — 33-м году мне давали, капали понемножку (*усмехается*).

Н.В.: Это в трубку свернутые?

В.Д.: Да.

Н.В.: В трубку свернуты они уже были для отправки по отделениям. РОСТА имела десять отделений по городам, и вот в эти отделения высылались эти плакаты.

В.Д.: Десять отделений?

Н.В.: Десять, да.

В.Д.: Черемных пишет, кажется, семнадцать.

Н.В.: Я говорю десять, потому что мне было заказано десять экземпляров, и объяснялась эта цифра тем, что у них это рассылается по отделениям, начиная с Петербурга и кончая такими, как Орел, Тула. И для них-то нас и заставляли сдавать свернутые в трубку. Вот с этих свернутых в трубку я тогда и начал с вами связываться. А первоначально они делали только один экземпляр, который вывешивался в магазине. Я помню, около Моссовета был магазин Брокера.

В.Д.: «Абрикосов» был около.

Н.В.: Нет, парфюмерный. А может быть и «Абрикосов». Может, я и путаю.

В.Д.: «Абрикосов» был на углу Большого Чернышевского переулка*.

* Дувакин прав, в соседнем от Моссовета здании на пересечении Тверской улицы и Большого Чернышевского переулка находился магазин Абрикосова, а не Брокера. Сейчас Большой Чернышевский переулок называется Вознесенским переулком.

Информационный стенд напротив отделения РОСТА на Тверской улице. Москва, 1920. Источник фото: www.pastvu.com

Н.В.: Ага. Значит, абрикосовская это... Когда образовывался пролетарский музей, с этого магазина мы тогда забрали витрину зеркальную такую, где поместили... Это было цветное стекло. Мы поместили в эту зеркальную...

В.Д.: Может быть, там действительно был не «Абрикосов», а «Брокер»? Хотя нет, Черемных пишет, что «Абрикосов».

Н.В.: Вернее всего, что это абрикосовский магазин.

В.Д.: А Брокер чем торговал?

Н.В.: Брокер — это парфюмерия. Вот где сейчас находится «Гознак» — это бывшая фабрика Брокера. От фабрики были магазины по Москве.

В.Д.: Где эта фабрика?

Н.В.: Вот та, в которой сейчас помещается «Гознак».

В.Д.: Это где?

Н.В.: В Замоскворечье, на Мытной улице.

В.Д.: Она цела еще?

Н.В.: Да.

В.Д.: Так. Как вы получали темы, то есть не вы, а художники, и как была организована сдача рисунков, а потом работа трафаретчиков? Или при сдаче рисунков вы не присутствовали?

Н.В.: В РОСТА?

В.Д.: Да, вот когда художники... Кто их принимал?

Н.В.: Принимал Черемных вместе с Маяковским.

В.Д.: Принимал Черемных вместе с Маяковским. Малютин в этом редко участвовал?

Н.В.: Они просматривали.

В.Д.: А тексты, или вы не знаете, кроме Маяковского никто не давал?

Н.В.: Нет, вот этот самый... Черемных делал плакаты со своими текстами*.

В.Д.: Сам что ли писал?

Н.В.: Сам, да.

В.Д.: Черемных?

Н.В.: Черемных.

В.Д.: Тут прозаическими... По-моему, он к стихам совершенно не способен. Он вообще очень молчаливый человек.

* Черемных почти не сочинял тексты к плакатам. По свидетельству Е.Б. Овсянниковой, его тексты были «корявые» и не рассчитанные на тиражирование по типу рисунка.

Н.В.: Получали мы их прямо на клочках бумаги, написанными карандашом.

В.Д.: Вот от кого вы их получали?

Н.В.: От Черемныха.

В.Д.: Вы получали вот эти клочки бумаги от Маяковского или от Черемныха?

Н.В.: От Черемныха.

В.Д.: Выходит, что он Черемныху сдавал текст?

Н.В.: Да, так получается. Всю эту фирму возглавлял Черемных.

В.Д.: А Керженцев когда-нибудь интересовался вашей работой?

Н.В.: Мне это неизвестно. С Керженцевым был скандалчик. Первая рабочая делегация из Европы была итальянская. Группа итальянских рабочих приехала в Москву. Им устроили встречу в Доме Союзов, в Благородном собрании. Вывешены были плакаты и лозунги в Кремле. Они были сделаны на итальянском языке. И вот один такой был лозунг, который при переводе с итальянского на русский оказался призывающим рабочих не соединяться, а разбегаться, понимаете.

В.Д.: Вместо «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»?

Н.В.: Да, было написано «разбегайтесь» (*усмехается*).

В.Д.: Полностью цитату не помните?

Н.В.: И это как раз обнаружили уже при встречи в самом Доме Союзов. Один из товарищей, итальянцев, указал устроителям: «Что-то странный у вас какой плакат?» Ну, сразу за шиворот художника, кто писал. А тот малый, что писал этот лозунг, сохранил ту бумажку, на которой ему дали текст. Текст был составлен Керженцевым. Керженцев долгое время жил в Риме.

В.Д.: По-итальянски, но неграмотно, да?

Н.В.: Да. И вот потянули этого художника за шиворот, не умышленно ли он это сделал. Но оказалось, что Керженцев дал это слово, которое он изобразил.

В.Д.: Значит, Керженцев просто ошибся в слове итальянском? Переоценил свое знание итальянского языка.

Н.В.: Да-да, перегнул немножко. Я помню этот случай. А с самим Керженцевым мне встречаться не приходилось.

Расположение витрин РОСТА

В.Д.: Николай Дмитриевич, вернемся к РОСТА. Вы можете хотя бы перечислить все витрины, где вы видели плакаты?

Н.В.: Вывешенные?

В.Д.: Да.

Н.В.: Вот в этом самом...

В.Д.: Ну, там у Чернышевского переулка. А еще где?

Н.В.: А еще в этом самом, где сейчас бывший Елисеева.

В.Д.: У Елисеева тоже были?

Н.В.: Тоже были.

В.Д.: Так. Ну, а на Кузнецком мосту где?

Н.В.: На Кузнецком мосту? Там был магазин... Как его фамилия, черт возьми. Это рядом с Домом художника...

В.Д.: Ну, вы скажите так. Это был угловой дом или нет?

Н.В.: Нет, это был не угловой, а он в ряду... Это был магазин, имевший самое большое стекло, самую большую витрину в Москве. Это сейчас там...

В.Д.: Аванцо, что ли?

Н.В.: Нет. Сейчас там этот самый...

В.Д.: Дом художника?

Н.В.: Нет. Это рядом с Домом художника магазин готового платья сейчас.

В.Д.: Он еще цел, этот дом?

Н.В.: Да-да. А в то буржуазное время он принадлежал одной тете, которая в моей жизни фигурировала. Она была художница, хозяйка этого магазина, сама жила на Покровке, тоже у нее там был дом. У меня к ней было письмо от художницы, которая меня готовила поступить в училище живописи, это в Томске. Это была ее подруга. Как ее фамилия, черт ее... Шанг!

В.Д.: Дом Шанг. Значит, что этот дом находится на правой стороне Лубянки, если идти не по номерам, а сверху вниз... Я оговорился. С правой стороны Кузнецкого моста, если идти вниз, спускаться от Лубянской площади к Петровке и Неглинной, не доходя до Неглинной...

Н.В.: Прямо сразу за Домом художника.

В.Д.: Ага. Значит, это между Рождественкой и Неглинной, по старому. Это где выставки теперь.

Н.В.: Да-да.

В.Д.: А вы не помните, что в этом доме раньше, то есть во времена нэпа было кафе «Питтореск»?

Н.В.: А это что такое?

В.Д.: Кафе «Питтореск» было в этом доме. Вы помните его или нет там? Потом оно называлось кафе «Красный петух». Это вы не бывали?

Н.В.: Нет.

В.Д.: Это уже начало нэпа. Это уже другое. А на Сретенке не помните витрины?

Н.В.: На Сретенке? Это было от Сретенских ворот, идучи к Сухаревой, на правой стороне в первом же угловом доме.

В.Д.: Угловом по отношению к Садовой?

Н.В.: Да. Нет, не к Садовой...

В.Д.: К бульвару?

Н.В.: К бульвару, да-да.

В.Д.: К бульвару, к Чистопрудному бульвару?

Н.В.: Нет, это Сретенский бульвар.

В.Д.: Ах, Сретенский бульвар, да. Пройдя бульвар или не доходя?

Н.В.: Пройдя.

В.Д.: Пройдя бульвар, то есть с внешней стороны кольца, она пересекалась, если от центра.

Н.В.: Да-да.

В.Д.: Понятно.

Н.В.: Вот в этом доме и вывешивали. И затем напротив, там был книжный магазин, там вывешивали.

В.Д.: Так. Вот уже четыре витрины, по крайней мере. А так не помните еще, где вывешивали?

Н.В.: По-моему, на Мясницкой было.

В.Д.: На Мясницкой?

Н.В.: Да.

В.Д.: В какой ее части?

Н.В.: Чуть ли не в доме Училища живописи, в угловом.

В.Д.: Ага. То есть почти напротив почтамта.

Н.В.: Да.

В.Д.: Понятно. Вот пять витрин уже насчитал. Но продолжали вывешивать и тогда, когда стали рассылать, да?

Н.В.: Да. Это два направления, действующих самостоятельно: то, что рассылалось по отделениям РОСТА (эта продолжалась операция), и то, что вывешивалось в Москве — это уже вторая группа.

В.Д.: Наоборот, сначала стали вывешивать в Москве, а потом рассылать. Так ведь, наверное? Потому что не сразу стали рассылать. Как вам это помнится?

Н.В.: Сначала эти самые плакаты пробовали размножать через копирку...

О своей работе по размножению плакатов

В.Д.: Вы не помните, когда вы лично начали работать в РОСТА? В каком месяце?

Н.В.: По-моему, это было в 20-м году.

В.Д.: Но в каком месяце? Летом, зимой, весной?

Н.В.: Это легко узнать. Плакат, который я сделал первый, образцовый, висит сейчас в Музее Маяковского.

В.Д.: Это который? Я помню их все, так что мне достаточно сказать одну строчку.

Н.В.: Вот в той комнате, где у них как бы...

В.Д.: А вы разве видели там?

Н.В.: Видел у них.

В.Д.: Нет, но у них-то вы не видели. Ведь это было уже после того, как вы...

Н.В.: Ослеп?

В.Д.: Да.

Н.В.: Но я видел. У меня бывают такие странности: вдруг я вижу, понимаете, что-либо. На этом плакате там указано, когда он сделан, сколько экземпляров висит и так далее. Все это там мной...

В.Д.: Это самый первый?

Н.В.: Да. У них висит как-то сбоку, не на стене, а как-то нелепо так.

В.Д.: А о чем, не помните? Я там не был еще ни разу.

Н.В.: «У буржуазии пир...»

В.Д.: «...на весь мир».

Н.В.: «...на весь мир», да.

В.Д.: Найду. Хорошо, достаточно. У меня ведь все это...

Н.В.: На нем написано, сколько сделано и...

В.Д.: Это самый первый ваш?

Н.В.: Это самый первый.

В.Д.: Видите, по такой технической детали я сейчас установил вот что: о первых плакатах вы не можете рассказать, потому что...

Н.В.: Я начал работать не с самого начала РОСТА, а уже когда РОСТА шло во всю.

В.Д.: Да, вы начали работать, если мне сейчас не изменяет память, то выходит, если по этому плакату, то это примерно конец лета уже 17-го* года. «Пан победил, мы победили»**. «Пан победил» — это наступление Пилсудского, то есть это весна и начало лета 20-го года.

* Оговорка. Дувакин подразумевал 1920 год. Судя по дневниковым записям, Виноградов начал печатать плакаты РОСТА в сентябре 1920 года.

** 1. У буржуев на весь мир пир. 2. Радуются: «Пан победил, мы победили!» 3. Пролетарий! В партию! Силы крепи! 4. Враг и к Орлу подходил. Это забыли или? [1920, сентябрь] РОСТА No 316

Н.В.: В это время я был заведующим председателем Комиссии по охране памятников, членом Комиссии

по снятию и постановки памятников...

В.Д.: Памятников с постаментов?

Н.В.: Да, и ночным сторожем в это же время в Наркомземе. Наркомзем имел показательные такие станции. Эти станции обслуживались пайками. Пайки эти нужно было охранять. И как раз в доме, где я жил, это было...

В.Д.: Значит, вы днем работали, а ночью стерегли?

Н.В.: Ну да. И вот во время стережки... Это было во дворе того дома, где я жил.

В.Д.: Это на Дмитровке?

Н.В.: Да, на Малой Дмитровке, 18. Я печатал, напечатаю пару или тройку плакатов, пойду во двор посмотреть, как там склад: не обворовывают ли. Посмотрю и немножко еще напечатаю, потом — обратно. Так я целую ночь так бегал. За ночь я печатал эти самые плакаты, их надо было на следующий день отвлакивать в РОСТА. Эта самая ночная сторожка мне давала паек продуктовый, куда входило масло, мука пшеничная, крупа, чай, сахар. Паек этот окупал, собственно говоря, все остальные работы.

В.Д.: А там вам хороших пайков не давали? Ни по охране памятников пайков не было, ни...

Н.В.: Нет-нет, там ни черта этого не было. В это же время тогда Ленин получал паек по второй категории. И я тоже получал по второй категории.

В.Д.: Как по второй? По второй, а не по первой?

Н.В.: Нет-нет.

В.Д.: А по первой кто же?

Н.В.: По первой... После вышло так, что Бонч-Бруевич, будучи управделами Совета союза*, написал письмо в карточное бюро о том, как работает Ленин, доказывая, что он работает больше, чем другой рабочий, который получает первую категорию.

* В.Д. Бонч-Бруевич был управляющим делами Совета народных комиссаров РСФСР.

В.Д.: А первая категория была рабочая?

Н.В.: Только рабочая, да-да.

В.Д.: И его по этому письму перевели в первую категорию?

Н.В.: Да.

В.Д.: Бонч был тогда... *(Обрыв записи. Дальше о другом)*

Н.В.: С трех до пяти можно было видеть московскую интеллигенцию — артистов, писателей и так далее — гуляющей по Кузнецкому мосту. Гуляли взад-вперед группами по три-четыре человека. И вот в том в числе гулял Маяковский, в этой самой оранжевой кофте, в блестящем цилиндре и с толстой палкой в руке.

В.Д.: Ну, это вы вспоминаете, с трех до пяти, это...

Н.В.: Каждый день.

В.Д.: Каждый день. Но это было, конечно, до революции.

Н.В.: Ну, конечно!

В.Д.: Нет, вы так перешли прямо после РОСТА. Это невозможно, чтобы при РОСТе это было. Давайте некоторые вопросы подытожим, разбросанные. Ну, вот это так. А вот в РОСТу как ходил, как он одевался, Маяковский?

Н.В.: Обычно.

В.Д.: Что у него? Пальто...

Н.В.: Смотря по сезону. В пиджаке...

В.Д.: Палку он еще носил тогда или нет?

Н.В.: Да.

В.Д.: Носил?

Н.В.: Да. Она, кажется, в музее имеется. *(Перерыв в записи)*

Авторство текстов «Окон РОСТА»

В.Д.: «...не менее восьмидесяти процентов». У вас нет против этой цифры каких-нибудь принципиальных возражений, то есть что взята она ниоткуда? Я опрашивал всех, во всяком случае многих возможных авторов, и они мне примерно называли. Вольпин сказал мне: «Штук пятнадцать, у меня, двадцать, было». Ну, и так сказать, методом исключения. Но вот вы упомянули о том, что писал Черемных.

Н.В.: Да.

В.Д.: Я ни одного текста Черемныху не авторизовал пока, и сам Черемных мне это не подтвердил в свое время. Он не говорил, во всяком случае. «Не подтвердил...» — я его не спрашивал прямо, но он говорил, что писал все Маяковский, и то, что писали другие, проходило тоже через Маяковского, и он получал от Маяковского все. Вот тут получилось некоторое расхождение.

Н.В.: То есть, во-первых... Вы не подсчитывали, какое количество плакатов было сделано Маяковским?

В.Д.: Сделано — непосредственно рисунки?

Н.В.: Да.

В.Д.: Около четырехсот. Триста шестьдесят или семьдесят — что-то в этом роде.

Владимир Маяковский на выставке «20 лет работы». Москва, 1930

Н.В.: Это все с его текстами?

В.Д.: Они все с его текстами. Это то, на чем я настаиваю, что, вообще, Маяковский рисовать для других, на другие тексты, не мог. Это совершенно исключено. И это мне все подтвердили. Но вам я этого вопроса не задавал: вы с этим дело не имели. И что он давал, кроме Маяковского и Риты Райт, и первые, вначале, Грамена... Ну, еще кому... Вот я выяснил то, что Сергей Третьяков написал несколько текстов. Я их более-менее установил, но это уже 21-й год. А вот что-нибудь не говорит ли вам фамилия «Радванский»?

Н.В.: Радванский?

В.Д.: Радванский. На некоторых плакатах, полученных от вас, больших, в основном уже главполитпросветского периода крупно не чернилами, а красками написано «Радванский». Я решил, что это был просто трафаретчик, но окончательного доказательства у меня нет. Вы не знаете человека с такой фамилией?

Н.В.: Нет.

В.Д.: Да! Вот что! Простите, это надпись такая раз или другой — там немножко, но фамилия «Радванский» встречается в платежных ведомостях РОСТА.

Н.В.: В качестве кого?

В.Д.: В качестве автора, который получает за тексты и за рисунки. Я подумал, что это, наверное, просто подставное лицо, потому что Маяковский очень много и делал, и очень много получал. И по этому поводу мне эту гипотезу поддержал...

Н.В.: Мне пришлось быть представителем РОСТА в Союзе художников, в РАБИСе*, где обсуждался вопрос, как поступить, потому что Маяковский и Черемных зарабатывали громадные деньги, а некоторые — почти что ничего, в частности, Моор.

* РАБИС — Союз работников искусства.

В.Д.: У Моора было шесть плакатов. Я все их точно знаю. Шесть плакатов Моора, его ни с кем не спутаешь.

Н.В.: Из них я два делал, трафаретил.

В.Д.: Что же на этом заседании решили? Срезали им или нет?

Н.В.: Вот получалось так: если им срезать, то остальные...

В.Д.: Ничего не получают.

Н.В. (усмехается): ... им нечего будет получать, или получать такую мизерную сумму, что они помрут с голоду.

В.Д.: И что же, оставили прежние расценки?

Н.В.: Да.

В.Д.: А возник конфликт по инициативе администрации?

Н.В.: Кто-то поднял в РАБИСе этот вопрос.

В.Д.: А не журналисты, не Сосновский?

Н.В.: Нет, этого я не помню.

(Перерыв в записи)

В.Д.: ...защищал художников?

Н.В.: Да, чтобы оставить по-прежнему, как и было. И особенно напирала на Маяковского самого, что он очень много зарабатывает. Вполне естественно: он получал за плакат, за текст, и черт знает... — за всё.

В.Д.: В сохранившихся ведомостях РОСТА... Вы их видели?

Н.В.: Ну, да.

В.Д.: ...существовало две категории: «темы и тексты» и «Окно сатиры номер такой-то» — это, очевидно, рисунок. Но ни разу мне не удалось найти такой случай, чтобы «темы и тексты» и «Окно сатиры номер такой-то» было под одинаковым номером.

Н.В.: Как?

В.Д.: Ведомостей очень мало, не все же сохранилось... Вот среди «тем и текстов» есть Радванский и Рита Райт, вот там же, в той же ведомости, где Рита Райт, по-моему, есть и Радванский, поэтому я и заподозрил: может это, действительно, кто-то... Да. И потом очень много фамилий еще, среди которых вас нет, но много людей, которые делали трафареты. Вот и Пэт там есть. Я сейчас уже немножко забыл, потому что ведомости все в ЦГАЛИ. Я уж этим сейчас не занимаюсь, так что я сейчас по памяти говорю. Все-таки детали всякие всплывают. Вашу фамилию в ведомостях РОСТА я не встретил ни разу. Но там только есть за несколько разрозненных месяцев. Может быть, просто вы в это время не работали. А есть такая формулировка: «Окно сатиры для печати». Что это подразумевает? Может быть, это как раз и есть

для трафаретов? Причем разные бухгалтера и счетоводы по-разному формулировали еще эту работу, поэтому там действительно очень трудно. *(Перерыв в записи)*

Воспоминания о детстве

Вы говорите, что у вас память очень ослабела, но до десяти лет себя хорошо помните. Но кроме чисто бытовых деталей жизни тогдашней вы ничего не помните?

Н.В.: Видите, это был период натурального хозяйства, значит...

В.Д.: Вы жили-то, я сейчас уже забыл где?

Н.В.: В Саратовской губернии...

В.Д.: В деревне?

Н.В.: Село Порзово, было такое. Там был фельдшерский пункт, которым заведовал мой отец, фельдшер. Я прямо вижу длинную улицу, идущую вдоль берега пруда. Обсаженная ветлами такими вековыми, прямая, как стрела. Она начиналась от поля и шла по берегу пруда, пройдя пруд, поворачивала направо. На повороте стояла каменная церковь. Потом я помню фамилии крестьян и других лиц. Например, улица поворачивает направо и там упирается в усадьбу мелкого помещика такого, который сам хозяйство вел. Так я помню его фамилию даже. Это рядом со школой, потом эта улица поворачивала налево и переходила через речушку, речушка, которая ни на какой карте не обозначена, с таким странным названием Каштокомяк*.

В.Д.: Каштокомяк?

* Виноградов произносит, а Дувакин повторяет «Каштокомяк», но в интернете речка в селе Порзово называется «Таштокомяк», есть и другие варианты написания.

Н.В.: Да. Через нее был построен мост. Около моста стояла деревянная старинная церковь — направо, а налево была новая усадьба помещика по фамилии Любозцов, который позавидовал нам, ребятам. Мы катались с горы, он нас от этой горы отвел, распорядился, чтобы мы не катались, а он катался с девицами соседнего помещика Толмачева.

В.Д.: Значит, это вы вспоминаете конец 80-х — начало 90-х годов, да?

Н.В.: Да.

В.Д.: Вы родились в 85-м, значит, это с 85-го...

Н.В.: Родился в 85-м, и по 95-й год. Вот эти десять лет, понимаете...

В.Д.: Ну, а помните вы чинов тогдашних. Скажем, заезжал к вам когда-нибудь урядник, как он выглядел? Становой?

Н.В.: Как же! Там, например, сын одного крестьянина, который находился наискосок от нас, через улицу, служил в жандармах и пришел на побывку в своей парадной форме: шапка с султаном, аксельбанты красные через плечо, шпоры на сапогах, понимаете такую историю. Нас, ребят, он восхитил своим видом. Ну, и я свое впечатление рассказывал отцу, а отец мне сказал, что это нехороший человек, вовсе не такой уж, которого можно хвалить. И потом после того, как он уехал обратно в полк, у нас был обыск ночной. Обыск вели жандармы, тоже в этой же форме, в какой был этот самый отпускник. Я больше чем уверен, что отец уехал в Сибирь не по охоте, а ему было предложено туда поехать. Это можно было бы узнать из саратовского жандармского архива, но, как говорится, руки не доходят теперь уже добраться, навести справку. А по его, так сказать, манере работать и вообще, он был, очевидно, народником.

В.Д.: Ваш отец?

Н.В.: Да. Потому что, когда мы приехали в Сибирь, отцовские знакомые все были ссыльные. И потом ссыльные, которых присылали вновь, я знаю, к отцу всегда приходили, иногда жили у нас день-два-три, пока его ни пристроят куда-нибудь.

(Пауза большая)

Участие Лили Брик в создании плакатов

Н.В.: Так что вот у нас тут с Маяковским дело не идет.

В.Д.: Ну что делать. Во-первых, все равно вы рассказали очень интересно из Училища живописи, ваяния... то есть немножко, несколько деталей. И потом эта история отправки картин Гончаровой. Это тоже очень важно. Можно их подсказать кому-нибудь, кто к этому лежит, что так было. Поищите. Дошли ли они? С Маяковским, конечно, документа в этом смысле с вас у меня не получается, но это не так важно. Раз человек уже десять раз написал... А вот детали очень интересны. Например, даже такая мелочь «чаю чай» — это, по моему, нигде никогда не фигурировало. Это очень характерный каламбур для него. Он же вообще мог что-нибудь вставить. Ну, а РОСТА, я просто уже... Может быть, если еще увидимся, то я... Если бы я сейчас непосредственно над этим работал, то у меня еще какие-то вопросы были бы к вам, но я их забыл. Художника Пэт вы знали?

Н.В.: Как?

В.Д.: Пэт.

Н.В.: Нет, не вспоминаю.

В.Д.: Черемных пишет, что художник Пэт изобрел трафарет.

Н.В.: Трафарет изобрел?

В.Д.: Да.

Н.В.: Нет, это дело Михайлова.

В.Д.: А Михайлов кто такой?

Н.В.: Художник, маленький художник, который работал в строительных организациях, трафаретил, стены расписывал трафаретом. Когда с копиркой ничего не получилось, он как раз предложил использовать трафарет.

В.Д.: Ну, вот, видите. А Черемных говорит, что вот такой-то художник... Может быть, это одно и то же лицо. Пэт — это вряд ли фамилия, может, художнический псевдоним.

Н.В.: Михайлова я хорошо знал.

В.Д.: Знаете? И помните, что это именно было его изобретение?

Н.В.: Да-да.

В.Д.: А вы передали сейчас в музей трафареты из плакатов?

Н.В.: Да-да.

В.Д.: Вспомните, когда вы приходили в мастерскую РОСТА, там народу было много?

Н.В.: Нет, особо много не было. Я всегда видел Черемныха, Маяковского и Малютину. Вот эта тройка закопёрщиков, как можно сказать.

В.Д.: Нет, ну, трафаретчики приходили.

Н.В.: Да, трафаретчики. Трафаретов в мастерской просто не делали.

В.Д.: Не делали?

Н.В.: Не делали. Это делалось на дому у трафаретчиков.

В.Д.: Сестер вы видели в мастерской?

Н.В.: Маяковского?

В.Д.: Да.

Н.В.: Нет.

В.Д.: Нет. Вообще, это подтверждено, что Людмила и Ольга сами делали трафареты?

Н.В.: Не знаю.

В.Д.: Не знаете? Или это легенда? Может быть, и так. А Лилю Юрьевну видели в мастерской?

Н.В.: Эту самую... Брик?

В.Д.: Брик, да.

Н.В.: Да, я видел, как она раскрашивала трафареты, то есть рисунки Маяковского. Маяковский давал ей в контуре сделанные, понимаете, контур — она его раскрашивала краской, краску накладывала. Это я помню, как сейчас. Делала она это на полу. А Маяковский ей делал указания.

В.Д.: Какой краской раскрашивать, Маяковский сам указывал? Или она по своему усмотрению раскрашивала?

Н.В.: Она, скажем, ведет кистью, а он говорит: «Нет, бросьте. Возьмите другой тон».

В.Д.: Вот это важно. Но в некоторых случаях возможно и ее есть, да?

Н.В.: Что ее?

В.Д.: Цвет. Выбор цвета.

Н.В.: Цвет? Да-да.

В.Д.: В отдельных случаях может быть и ее, да?

Н.В.: Да.

В.Д.: Но Маяковский обычно... Черемных пишет или в рассказе мне говорил, что он писал карандашом краску несколькими буквами: «кр.», «желт.» А еще была такая краска, которая называлась «мордовая», которой разрисовывали лица, — светло-розовая.

Н.В.: Да. Вы это записываете?

В.Д.: Да.

Н.В.: Вот, например, если показать, скажем, изображают, что идут платформы с материалом, что это не столь свежая — вороненка рисуют, понимаете, сидящим на рельсах или там на...

В.Д.: Ну, вороненок — это знак разрухи.

Н.В.: Разруха, да-да. Крестьянин — в лаптях обязательно. И даже на могиле Черемных его ученики выставили именно вот это: крестьянина в лаптях, в рубахе... На кладбище вы не бывали?

В.Д.: Нет.

